

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

136

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

И. Т. КРУГЛИКОВА

ГОРОДИЩЕ ЕМШИ-ТЕПЕ
В СЕВЕРНОМ АФГАНИСТАНЕ

Бактрия была основным ядром Кушанской империи. Обосновавшись на ее территории, кушане распространили затем свои владения далеко за ее пределы, подчинив своей власти не только центральные области Средней Азии, но и юго-восточные территории, вплоть до рек Ганга и Нарбады. Ученых давно интересовала роль Греко-Бактрии в формировании культуры кушанской державы, особенно много споров вызывал вопрос о ее роли в формировании гандхарского искусства. Ответить на этот вопрос можно было только с помощью археологических раскопок.

В северной Бактрии (на территории южных областей Узбекистана и Таджикистана) советскими археологами открыто много памятников кушанского времени¹. Среди них есть большие города, городища средних и небольших размеров, сельские поселения², монастыри³ и могильники⁴. Многие из них систематически раскапываются, и полученные материалы подвергаются строгой научной обработке.

Иначе обстоит дело с изучением кушанских памятников левобережной Бактрии. Еще в XIX в. иностранные и русские путешественники обращали внимание на сохранившиеся в Северном Афганистане развалины городов и другие древние сооружения⁵. В начале 20-х годов XX в. французская археологическая делегация в Афганистане начала раскопки столицы Бактрии в г. Балхе⁶. Позднее французские археологи проводили

¹ См. карту расположения памятников кушанского времени в сб.: «История таджикского народа», т. I. М., 1965, стр. 360; литература о раскопках — там же, стр. 540—549; а также: Э. Я. Юркевич. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. СА, 1965, № 4, стр. 158 сл.; Л. И. Альбаум. Городище Дальверзин-тепе. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 47 и сл.; Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966; она же. Новое в изучении Дальверзин-тепе. СА, 1971, № 4, стр. 186 сл. Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур. СА, 1969, № 2, стр. 160 сл.

² Э. Я. Юркевич (указ. соч., стр. 166 и литература по вопросу) выделяет три типа поселений.

³ Б. Я. Ставиский. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь. М., 1970.

⁴ О публикациях материалов раскопок городищ и могильников кушанского времени см.: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема «Аннотированная библиография», т. 1—2. М., 1968; М. М. Дьяконов. Работы кафирниганского отряда. МИА, № 15, 1950, стр. 147 сл.; Э. Гулямова. Раскопки на Душанбинском некрополе. «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР», вып. 3. Душанбе, 1958, стр. 30 сл.

⁵ Н. И. Городеков. Через Афганистан. Путевые заметки. СПб., 1880; И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., т. 1—II. СПб., 1882—1883; J. Wood. A Journey to the Source of the River Oxus. London, 1872.

⁶ A. Foucher. La Délégation archéologique française en Afghanistan. CRAI, 1927, p. 117; он же. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. MDAFA, t. I. Paris, 1942;

небольшие раскопки на других памятниках кушанского времени Северного Афганистана: на городище Шар-и-Бану и на Закер-тепе к северу от г. Таш-Курган⁷, в 1945 г. они заложили разведочные шурфы на Тепе-Нимлик, где ранее была найдена греческая надпись на черепке⁸. Особенно важное значение имеют раскопки Д. Шлюмберже в Сурх-Котале⁹. Американская археологическая экспедиция под руководством Р. Юнга провела небольшие зачистки крепостной стены в г. Балхе¹⁰. Ряд памятников кушанского времени раскапывались в г. Кундузе и его окрестностях¹¹.

Небольшие разведочные маршруты провели английская экспедиция Е. Бужера и Ф. Райта¹², индийская миссия во главе с Р. М. Уиллером¹³ и японская археологическая экспедиция Киотского университета¹⁴. В настоящее время успешно раскапывает греко-бактрийский город Ай-Ханум, расположенный в месте впадения р. Кокчи в Пяндж, французская археологическая делегация в Афганистане во главе с П. Бернардом¹⁵. Однако пока там не обнаружено слоев позднее I в. до н. э.⁶

Археологические разведки на территории левобережной Бактрии проводились на сравнительно небольшом участке обширной территории Северного Афганистана. Датировка многих кушанских памятников, основанная главным образом на подъемном материале, не всегда убедительна. Описания открытых разведками памятников слишком кратки, чтобы можно было составить себе о них полное представление. Раскопки их тоже носили в основном разведочный характер.

Могильников кушанского времени в левобережной Бактрии не исследовали совсем.

Нельзя между тем упускать из виду, что для изучения истории Бактрии необходимо одинаково интенсивное исследование обеих ее частей, расположенных к северу и к югу от р. Пяндж. К тому же, поскольку археологическое изучение столицы Бактрии затруднено из-за многочисленных наплывов населения средневекового времени, необходимо обратить особое внимание на памятники, находящиеся поблизости от г. Балха. Учитывая это, Советско-Афганская экспедиция начала свои работы в районе между городами Балхом и Шеберганом. В 1969 и 1970 гг. одновременно с разведочными работами на этой территории экспедиция проводила раскопки кушанского города Емши-тепе, расположенного в 4 км к северо-

D. Schlumberger. La Délégation archéologique à Bactres (1947). MDAFA, t. XV. Paris, 1957, p. 9—13.

⁷ *J. Carl. Fouilles dans la site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-Tépe. MDAFA, t. VIII. Paris, 1959, p. 59.*

⁸ *J. C. Gardin. Céramiques de Bactres. MDAFA, t. XV, p. 10, 11, 112, 113.*

⁹ *D. Schlumberger. The Excavation at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. «Proceedings of the British Academy», vol. XLVII. London, 1961, p. 77—95.*

¹⁰ *R. Young. The South Wall of Balkh-Bactra. AJA, t. 59, N 4, 1955, p. 267.*

¹¹ *J. Hackin. Fouilles de Kunduz. MDAFA, t. VIII. Paris, 1959, p. 19, 21; S. Mizuno. Durmen Tepe and Lama. Kyoto, 1968, p. 93—108; K. Fischer. Preliminary remarks on archeological survey in Afghanistan. «Zentralasiatische Studien», Wiesbaden, 1969, p. 349; он же. Gandharan sculpture from Kunduz and environs. «Artibus Asiae», t. 21; он же. Preliminary notes on some ancient remains at Qunduz. «Afghanistan», vol. 16, N 1 Kabul, 1961.*

¹² *E. Barger. Exploration of Ancient Site in Northern Afghanistan. «Geographical journal», vol. XCIII, N 5, London, 1939, S. 377; E. Barger and Ph. Wright. Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan. MASI, N 64. Calcutta, 1941.*

¹³ *R. E. M. Wheeler. Archaeology in Afghanistan. «Antiquity», vol. XXI.*

¹⁴ «Haibak and Kashmir-Smast». Kyoto University, 1962.

¹⁵ *P. Bernard, D. Schlumberger. Première campagne de fouilles d'Aï Khanum. CRAI, 1966, p. 127; он же. Ai Khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia. «Albert Reckitt Archaeological Lecture British Academy». London, 1967. См. также ежегодные публикации отчетов в CRAI за 1967—1971 гг.*

¹⁶ *P. Bernard. La campagne de fouilles de 1970 à Aï Khanum. CRAI, 1971, p. 452.*

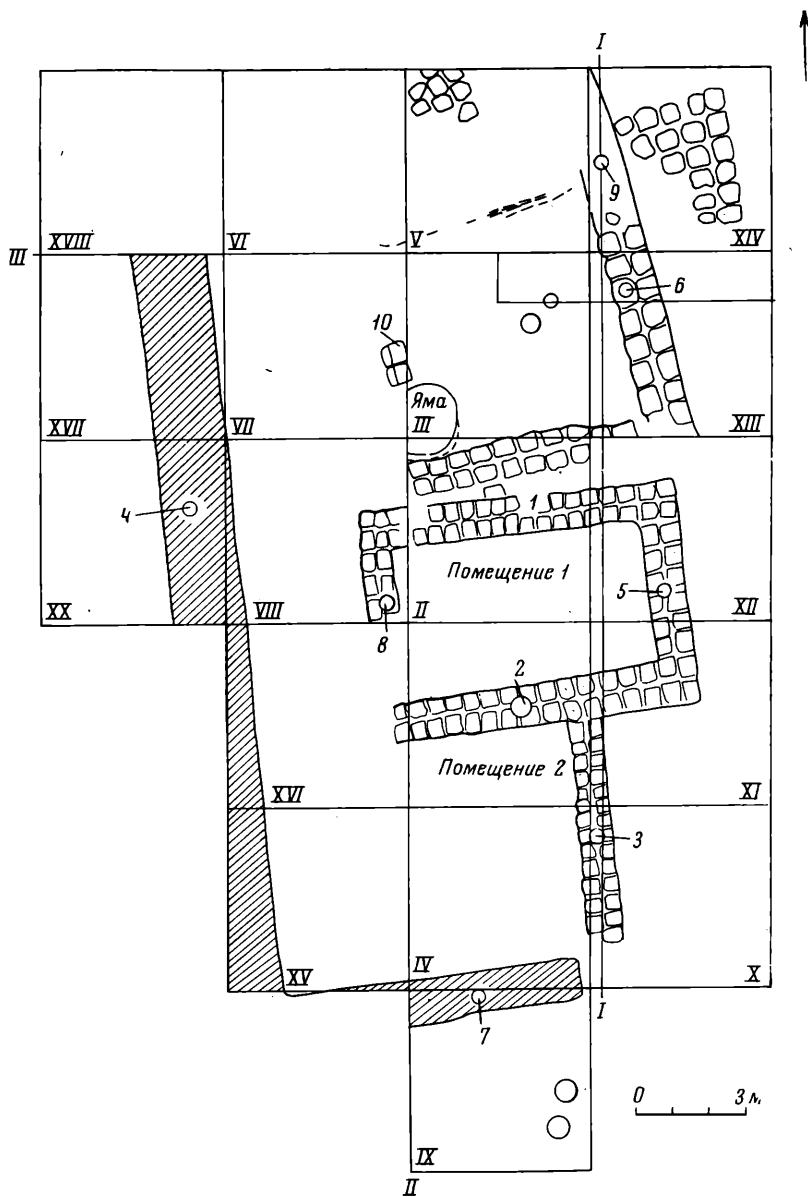

Рис. 37. План раскопа I на городище Емши-тепе

ро-востоку от г. Шебергана¹⁷. Емши-тепе отличается от всех известных по литературе городов кушанского времени своим планом. Его оборонительные укрепления в плане имеют форму круга. Диаметр этого круга около 480 м, а общая площадь города внутри стен — около 18 га. Следов улиц или какой-либо правильной планировки не заметно. Сохранились лишь небольшие всхолмления, разбросанные бессистемно и скрывающиеся, по-видимому, остатки жилых комплексов. На трех из таких всхолмлений были заложены раскопы.

Раскоп 1 площадью 475 кв. м находился в северо-западной части городища. Культурный слой здесь состоял из строительных завалов, ос-

¹⁷ И. Т. Кругликова, В. И. Сариниди. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, 4, стр. 162—167.

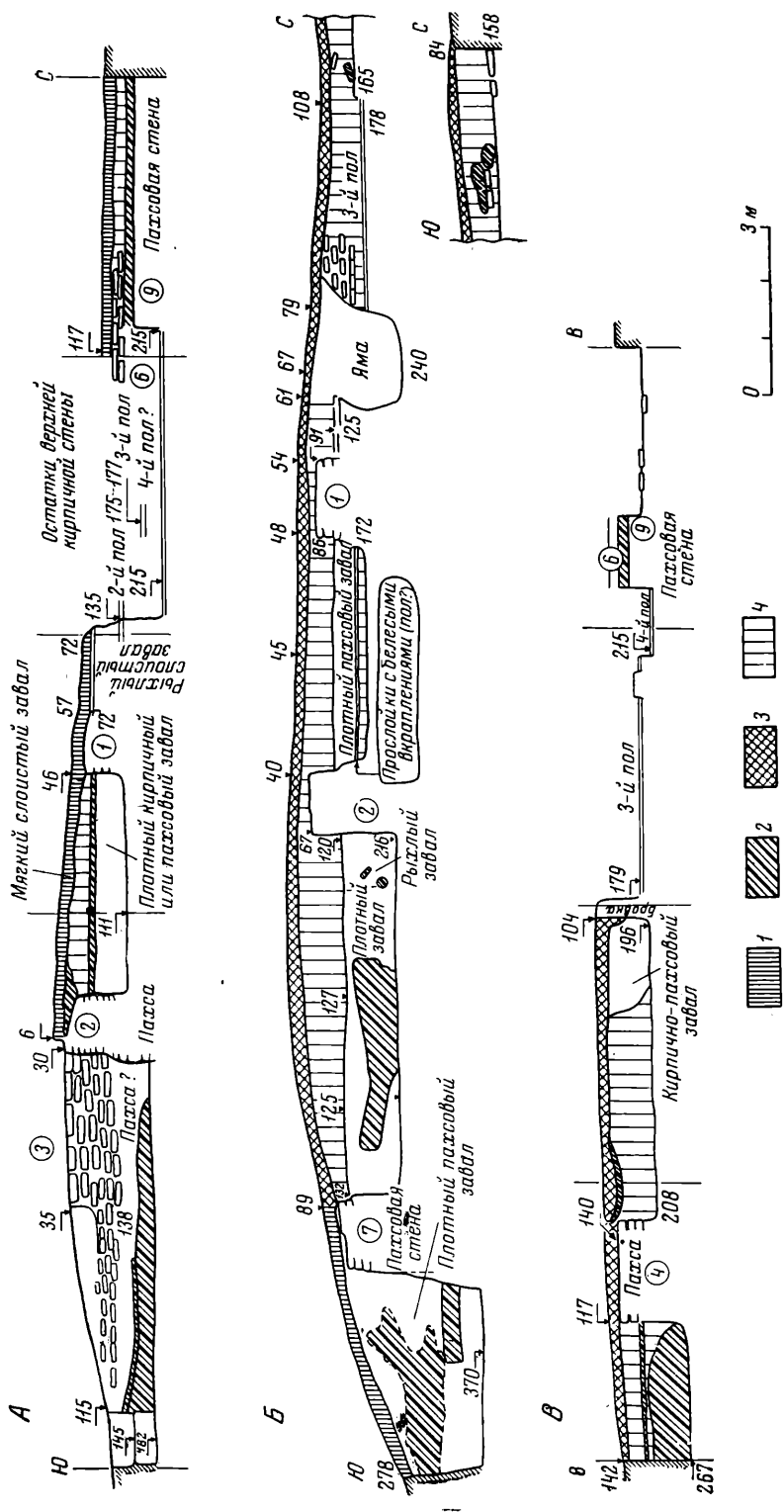

Рис. 38. Разрезы раскопа I на городище Емши-гете
 А — разрез I — I, восточная экспозиция; Б — разрез II — II, восточная экспозиция; В — разрез III, южная экспозиция
 1 — поверхность супесчаные намыты (светло-коричневые); 2 — золотые и зеленоватые прослойки; 3 — кирпичная

татков стен, зольников, кирпичных и глинобитных полов. Благодаря тому, что раскоп частично находился на склоне небольшого всхолмления, где напластования более поздних периодов оказались смытыми, удалось углубиться ниже горизонта последнего по времени строительного периода и обнаружить еще четыре нижележащих строительных горизонта. Таким образом, были открыты остатки пяти строительных периодов.

К верхнему из них относилось помещение 1 (рис. 37). Оно имело форму не совсем правильного прямоугольника. Длина его около 6 м, ширина около 4 м. Стены сохранились в высоту от 0,1 до 0,9 м. Они сложены из сырцовых кирпичей размером $0,38 \times 0,38 \times 0,10$ м. Обе стороны стен были покрыты глиняной обмазкой из смеси глины с соломой. Основания стен лежат на кирпичных стенах предшествующего строительного периода. Толщина стен 1—1,15 м. От среднего помещения 2 сохранилась только одна стена, пристроенная с юга к южной стене помещения 1. Непосредственно под нижними кирпичами этой стены лежала глиняная труба диаметром 0,15 м с одного конца и 0,19 м с другого. Труба лежала перпендикулярно стене, над ее западным концом находился обожженный кирпич, уходящий под стену, но с противоположной стороны стены над трубой кирпича не было. В помещении 1 прослежены два уровня глинобитных полов. В обмазку верхнего пола входила известковая крошка, благодаря чему пол имел беловатый оттенок. Под слоем обмазки верхнего пола в западной части помещения лежал плотный слой строительного завала, а в восточной — зольник.

Второй уровень пола находился на 0,4 м ниже первого (рис. 38). Он относится уже ко второму строительному периоду. Ко времени существования помещений 1 и 2 относится хозяйственная яма конусовидной формы. Диаметр ее по дну 2 м. К горлу яма сужалась, но горловина ее обрушилась. В яме найдены обломки большого гончарного сосуда, светлоангобированного, с малозаметными вертикальными вдавлениями, опоясывающими его тулово. На верхнем полу помещений и в слое над ним — обломки кувшинов и мисок с поверхностью, покрытой белым ангобом, края кубков, обломки бокалов, покрытых красным лощением, обломки сероглиняных мисок с черным покрытием и куски лепных горшков.

Ко второму строительному периоду относятся две стены и кирпичная вымостка, уровень которой соответствует уровню глинобитной обмазки пола второго строительного периода, открытого внутри помещения 1. При расчистке пола и кирпичной вымостки второго строительного горизонта найдены обломки кувшинов с красноангобированной и с белоангобированной поверхностью, части сероглиняных мисок, обломки бокаловидных сосудов из серой глины и из розовой глины с красным ангобом, край сероглиняной тарелки, сосуды баночной формы с белым ангобом, части лепных горшков и т. д.

К третьему строительному горизонту относятся две пахсовые, две кирпичные (сырцовые) кладки и глинобитный пол 3. Кирпичи стен имеют размеры $0,38 \times 0,38 \times 0,1$ м и $0,4 \times 0,4 \times 0,1$ м. Они лежат вперевязку, швы между ними заполнены глиной, толщина швов 0,05 м. Стены были покрыты обмазкой из глины с примесью рубленой соломы. Пол 3 лежит на 0,4 м ниже пола второго строительного горизонта. Пол глиняный. Сохранилась его обмазка толщиной до 0,12 м. В пол были вмazаны два хума. Их верхние части отбиты до уровня пола. Диаметр сохранившейся части у одного из них 0,34 м, у другого — 0,42 м. Глубина дна первого хума 0,55 м, глубина второго 0,44 м. При расчистке пола был найден кусок цемьянки — известь с шамотом и толчеными камнями. Из такого типа цемьянки в греческих городах Северного Причерноморья изготовляли давяльные площадки и цистерны виноделен.

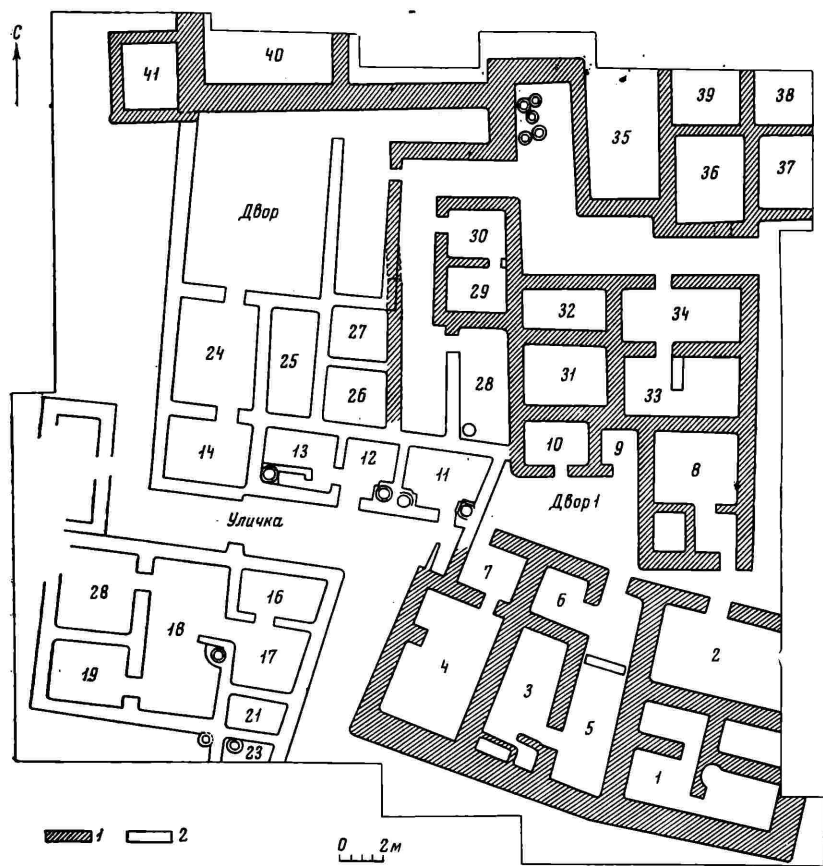

Рис. 39. План раскопа IV на городище Емши-тепе

1 — стена первого и второго строительных горизонтов; 2 — стена третьего строительного горизонта

Рис. 40. Общий вид раскопа IV городище Емши-тепе

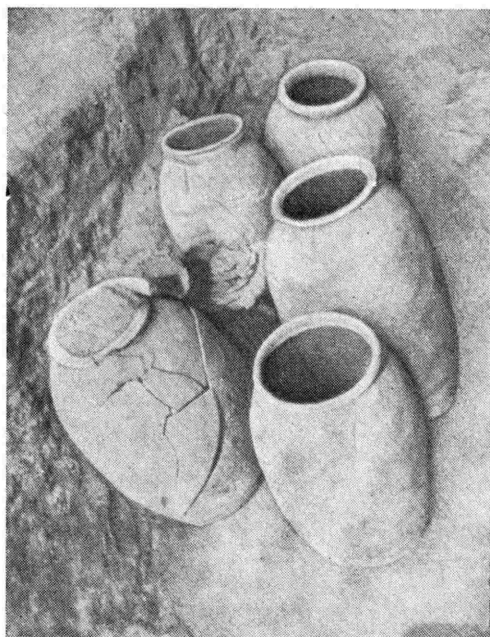

Рис. 41. Хумы

Среди керамики с пола 3 встречены донья больших хумов и хумчей, обломки сероглиняных мисок с черной обмазкой и без нее, обломки розовоглиняных мисок с красным ангобом и без него, обломки белоангобированных и неангобированных кувшинов, край бокала с красным ангобом. В слое глиняной обмазки найдена статуэтка лошадки, подобная встреченным в вышележащих слоях. На полу 3 около одной из стен стояли два известняковых и один глиняный «алтарики». Подобные им находили во многих поселениях античного времени на территории Средней Азии¹⁸. С этим слоем связаны и зольники, обнаруженные в юго-восточной части раскопа. На уровне пола и в зольниках найдены обломки бокалов и край сосуда баночной формы с резным орнаментом.

К четвертому, самому нижнему из открытых, строительному горизонту принадлежат пахсовая стена и пол — 4-кирпичная вымостка. Вымостка из одного слоя кирпичей, их размеры: $0,4 \times 0,4 \times 0,1$ м и $0,2 \times 0,2 \times 0,1$ м. Под вымосткой лежит слой зольника. Наибольшая глубина раскопа 1—3,7 м. На этой глубине обнаружены два хума, врытые в землю. Они, по-видимому, относятся уже к пятому строительному горизонту, который не вскрывался. Небольшие участки, на которых обнаружены остатки четвертого и пятого строительных горизонтов, не позволяют с уверенностью определить их дату.

На глубине 3,7 м была найдена сероглиняная мисочка с круглым углублением в центре, какие встречались в Ай-Ханум. Отдельные находки греко-бактрийского времени обнаружены в вышележащих горизонтах. Так, на глубине 1,95 м найден обломок рельефной чаши, напоминающей так называемые мегарские чаши, на глубине 1,4 м — бронзовый трехперый лавролистный наконечник стрелы и терракотовая женская статуэтка античного типа. Рядом с этим раскопом у подножья холма был заложен стратиграфический шурф, показавший, что мощность культурного слоя в этой части городища достигает 8,5 м.

К югу от данного раскопа, на соседней холмовидной возвышенности в 1970 г. был разбит еще один раскоп — IV (рис. 39) общей площадью 1,225 кв. м. Здесь были вскрыты 41 помещение, 3 двора и часть улицы, разделявшей два жилых комплекса. Эти комплексы состоят из отдельных жилых блоков, включающих хозяйственный двор, кладовые, хозяйственные и жилые помещения (рис. 40). Были прослежены два строительных горизонта. При этом во многих случаях стены верх-

¹⁸ М. М. Дьяконов. Археологические работы на нижнем течении рек Кафирнигана (Кобаднан) 1950—1951 гг. МИА, № 37, 1953, стр. 284, рис. 20, табл. XII, 63; Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. «Труды Термезской археологической комплексной экспедиции», т. II. Ташкент, 1945, стр. 78.

него строительного горизонта стояли непосредственно на стенах предшествующего периода. Размеры кирпичей сырцовых стен верхнего строительного периода $0,38 \times 0,38 \times 0,10$ м, тогда как нижний ярус стен сложен из сырцовых кирпичей $0,40(42) \times 0,40(42) \times 0,10$ м. Некоторые из стен сложены из пахсовых блоков. Внутри многих помещений имелись своеобразные очаги, сделанные из хумов, обложенных вертикально стоящими кирпичами. При этом пространство между хумами и кирпичами было заполнено золой.

В одной из кладовых на полу стояли пять больших хумов (рис. 41). Самый большой из них имел высоту 1,2 м и диаметр устья 0,5 м, самый маленький — высоту 0,85 м, диаметр устья 0,35 м. В юго-восточном углу раскопа в помещении 1 была найдена неглубокая яма с многочисленными кусками меди, медными шлаками и угольками. Перед ней — скопление золы с угольками¹⁹. Можно предположить, что здесь жил ремесленник, изготавливавший медные изделия. В других помещениях находили большое число глиняных и алебастровых пряслиц²⁰, часто встречающихся на городищах кушанского времени²¹, много бытовой керамики, среди которой наиболее распространены кувшины, миски, чаши, горшки; встречаются сосуды баночной формы, тарелки, бокалы и др. Большинство керамики изготовлено с помощью гончарного круга, но имеются и лепные сосуды. Гончарные сосуды украшались различными горизонтальными валиками, желобками, волнистыми врезными линиями или процарапанными горизонтальными линиями. Все найденные на раскопе монеты относятся к кушанскому времени. В помещениях верхнего горизонта встречены глиняные статуэтки всадника, быка, собаки и лошади. Имеются обломки сосудов с росписями красной и черной красками²², куски каменных блюд с резным орнаментом по краю. Среди находок — дно сосуда с рельефным медальоном в центре, имеющим аналогии среди позднеэллинистической и раннеримской керамики. На рельефе погрудное изображение девушки с длинными, спускающимися на плечи волосами и двумя выступами над висками.

К западу от раскопа IV и в 190 м к юго-западу от раскопа I находился раскоп II площадью 50 кв. м. Он был вскрыт на глубину 6,7 м, но до материка дойти не удалось. Строительные остатки верхнего горизонта обнаружены на глубине от 0,7 до 1,4 м. Глинобитные стены второго горизонта лежали на глубине от 2,4 м до 3,2 м. Между этими горизонтами лежит слой зольника и мусора. В нем найдены обломки 7 хумов. Один из хумов с плоским дном, с диаметром тулова 0,5 м был до половины заполнен известью с мелкой галькой. Среди керамики второго строительного горизонта имелись обломки бокаловидных сосудов, розовой и серой глины с черным покрытием и без него, обломки больших мисок с вертикальными бортиками, сероглиняных мисок с черным покрытием и с врезным кругом в центре, край красноглиняной миски с двумя рядами орнамента в виде волны, нанесенной острой палочкой по сырой глине на внутреннюю поверхность бортика.

В золисто-гумусной прослойке, разделявшей второй и третий строительные горизонты, найдены обломки кубков, бокалов на ножках с перехватом, сероглиняных мисок, мисок розовой глины с профилированными краями и обломки стенок с врезной волной. На глубине 4,85 м находилось устье колодца, стенки которого выложены из сырцовых кирпичей; ширина его 0,6 м, глубина 1,4 м. К колодцу примыкал кирпичный пол.

¹⁹ И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 164, рис. 5, 1.

²⁰ Там же, стр. 166, рис. 7, 3—5.

²¹ J. Carl. Sondages au Zaker-Tépe. MDAFA, vol. VIII. Paris, 1959, p. 77, tabl. VI; Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 95, рис. 62.

²² И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 167, рис. 8, 1.

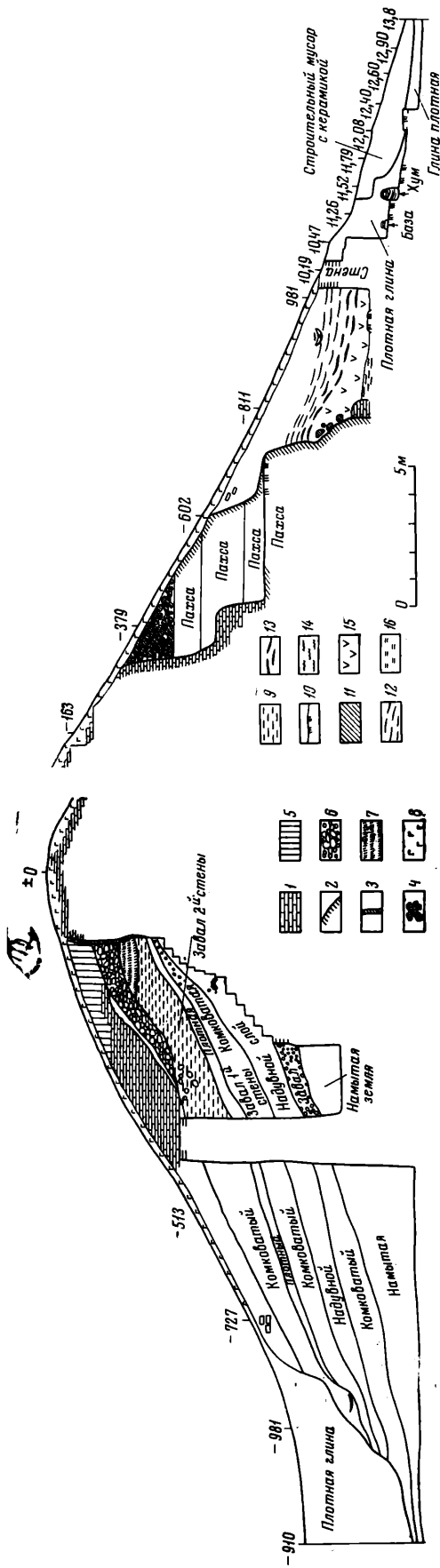

Рис. 42. Профиль восточной стенки раскопа III городища Емши-тепе

1 — кирпичная кладка; 2 — пахса; 3 — глиняная обмазка; 4 — завал из крупных комков пахсы с прослойками наносного песка; 5 — завал мягкой осмой с обломками кирпичей; 6 — завал из крупных комков пахсы; 7 — завал из мелких комков глин; 8 — дерн; 9 — завал комковатой зеленоватой глин; 10 — утоптанная поверхность; 11 — слой коричневого суглинки; 12 — слой наносной глин; 13 — зола-угольные прослойки; 14 — зола; 15 — уголь; 16 — обожженная глина; 17 — место примыкания кирпичной кладки к восточному борту раскопа

Над полом и под ним встречались обломки стенок с резным орнаментом в виде волны, сероглиняных кубков и мисок, край белоангобированного горшка.

Наиболее интересные материалы дал раскоп III общей площадью 517 кв. м (рис. 42). Он представлял собой траншею шириной 12 м и длиной 41 м, перерезавшую наплыв глины около северной стены города. С севера от нее была выкопана траншея длиной 12,5 м и шириной 2 м, перерезавшая часть рва. Расчистка оборонительной стены показала, что городские укрепления неоднократно перестраивались. Древнейшая стена города была сложена из паховых блоков и сырцового кирпича. Толщина ее сверху 9 м, книзу она расширялась, и толщина ее у основания достигала 15 м. Высота стены превышала 14 м. С наружной стороны к стене примыкал ров, а с внутренней в кушанское время к стене были пристроены помещения²³.

При расчистке завала около оборонительной стены были найдены три монеты. Среди них — серебряная сасанидская и бронзовая монета «Безымянного царя» (Сотера Мегаса)²⁴. В культурном слое под кирпичной стеной, пристроенной со стороны города в кушанское время, обнаружена статуэтка женщины с ожерельем на шее и с яблоком или зеркалом у груди²⁵. Среди других находок интересны обломок гончарного сосуда с изображением горного козла, сделанным темной, синевато-черной краской, часть статуэтки всадника, сидящего на лошади, мужские сидящие статуэтки²⁶, головки женских статуэток. При раскопках найдено много керамики.

Весь найденный при раскопках материал не выходит за рамки IV—V вв. По-видимому, город существовал еще с греко-бактрийского времени. Но расцвет его приходится на кушанский период. Именно к первым векам н. э. относятся мощные культурные отложения.

Город был центром сельскохозяйственной территории. Вокруг него расположены многочисленные тепе, скрывающие сельские усадьбы. Имеются и более высокие и крупные тепе с остатками раннесредневековых замков. Они свидетельствуют о том, что жизнь в шеберганском оазисе продолжалась, хотя город захирел. Можно предполагать, что на отдельных участках городской территории в раннесредневековое время продолжалась жизнь. Так, на небольшой цитадели в восточной части города, примыкавшей прямо к городской стене, находилась постройка с массивными глинобитными стенами, возможно, типа укрепленной усадьбы. Но город в целом как административный и ремесленно-торговый центр прекратил свое существование.

²³ Подробнее о конструкции и датировке стены см.: *И. Т. Кругликова, В. И. Сараниди. Указ. соч.*, стр. 162—163.

²⁴ *P. Gardner. The coins of the greek and scythic kings of Bactria and India in the British museum. London, 1886, tabl. XXIV, 1—6.*

²⁵ *И. Т. Кругликова, В. И. Сараниди. Указ. соч.*, стр. 165, рис. 6, 2.

²⁶ Там же, стр. 164, рис. 5, 2, 3.